

Хотя Ши Цзянь не стал задавать лишних вопросов, в глубине души он примерно догадывался, с какой целью Чу Юнь летал в Париж.

Разумеется, это было лишь его собственное, осторожное предположение.

Галерея «Наследие» впервые за всю свою многолетнюю историю решила провести публичное мероприятие. Чу Юнь всегда терпеть не мог лишней суеты и хлопот, а еще больше он ненавидел, когда эти хлопоты доставляли ему другие люди. Однако в этот раз он пошел наперекор собственным привычкам и изменил себе: не только лично занялся организацией масштабной выставки под названием «Наследие: Рассеянный свет», но и собственноручно составил список приглашенных гостей.

Главный экспонат этой выставки – ожерелье «Слеза рассеянного света» – по праву считалось истинным сокровищем галереи.

История этого изысканного украшения, в центре которого сиял бледно-голубой бриллиант весом в 42,5 карата, уходила корнями в самый конец девятнадцатого века.

Изначально оно принадлежало последней принцессе одного из павших королевских домов. Согласно старой легенде, этот бриллиант впитал в себя всю ту безграничную любовь, жгучую ненависть и невыносимую боль, что она пережила за свою короткую и трагическую жизнь.

Конечно, вполне вероятно, что легенду выдумали люди, стремясь придать холодным, безжизненным камням хоть немного человеческого тепла, но сама колоссальная ценность ожерелья обеспечила «Слезе рассеянного света» невероятную славу и окутала её плотным ореолом таинственности.

Появление на публике столь редчайшего сокровища, которое добрых полвека было надежно скрыто от посторонних глаз, естественно, произвело в обществе настоящий фурор.

Чу Хуан была искренне, почти до крайности удивлена.

То, что Чу Юнь сам проявил инициативу и предложил сотрудничество с Редженс Медиа, а затем с таким размахом взялся за организацию выставки, совершенно не вписывалось в его

привычный, капризный стиль поведения.

Чу Хуан всегда была недовольна своенравием и инфантильностью младшего брата, но в этот раз он не просто проявил неожиданную активность, но и лично отобрал каждого гостя в списке приглашенных.

Вспомнив, что в последнее время – будь то съемки для гляцевых журналов или закрытые благотворительные вечера – Чу Юнь безупречно взаимодействовал с Редженс Медиа, добиваясь результатов, которые превосходили все самые смелые ожидания, она внутренне смягчилась.

Чу Хуан предпочла просто порадоваться, списав всё на то, что этот непутевый мальчишка наконец-то взялся за ум и решил повзрослеть.

Просматривая список гостей, Чу Хуан внезапно замерла.

Она подняла голову и нахмурилась, с подозрением глядя на изображение Чу Юня на экране.

- С каких это пор ты стал интересоваться подобными мелкими знаменитостями? – спросила она.

Что еще за Чэнь Линьфэн затесался в этом списке?

Чу Юнь небрежно прислонился к панорамному окну и с легкой усмешкой ответил:

- Разве ты не учила меня мыслить масштабно? Сестре это не нравится?

Чу Хуан, которую всегда раздражала его беспечная развязность и которая искренне желала, чтобы брат вел себя более солидно и достойно своего статуса, на этот раз, как ни странно, не стала читать ему нотации.

- Не знала, что ты стал таким рассудительным, – заметила она.

Чу Хуан приняла документы, поданные Сун Ичжоу, и, поставив размашистую подпись, наконец вспомнила, что Ичжоу уже докладывала ей об этом ранее.

- Кажется, в последнее время ты проявляешь к Чэнь Линьфэну какое-то особое внимание? - добавила она.

- Можно и так сказать, - коротко ответил Чу Юнь.

Перо замерло на бумаге. Чу Хуан приподняла одну бровь, и взгляд, который она устремила в экран, стал отчетливо предостерегающим.

- Какие бы новые игры ты ни затевал, знай меру, - холодно произнесла она. - Не забывай, что за ним стоит Яоцзин. Если уж хочешь кого-то задеть, выбирай цель попримечнее.

Чу Хуан действительно было слишком лень вникать в его бесконечные скандальные новости - даже просто произносить это вслух казалось ей утомительным занятием. На этом она закончила свои наставления и вернула документы.

- Пусть Рэйчел свяжется с Сун Ичжоу для координации, в этот раз можно объединить усилия.

Чу Юнь улыбнулся и лукаво подмигнул сестре, завершая этот вполне успешный и мирный разговор.

Однако перед тем как видеосвязь прервалась, Чу Юнь не успел вовремя отключиться, из-за чего финал беседы оказался не таким гладким, как ему хотелось бы.

- Раз уж у тебя появилась новая цель, может, ты наконец оставишь Ши Цзяня в покое? - раздался голос сестры.

Не успела она договорить, как Ли Чжися, словно оказавшись перед лицом смертельной опасности, инстинктивно выскочил и встал перед камерой, закрывая её собой. Но, внезапно вспомнив, что по ту сторону экрана находится сама госпожа, он в панике отпрянул назад и от этого резкого движения чуть не потянул спину.

Умоляю, умоляю, пусть она замолчит... – пронеслось в его голове.

– Я как раз смогу воспользоваться этим шансом и полноценно загрузить его работой, чтобы он не прозябал в той лачуге, куда ты его запер, – парировал Чу Юнь.

Конец... нам всем конец...

– Он не такой, как твои обычные игрушки, – отрезала Чу Хуан. – Это человек с настоящим талантом, а твой метод «содержания в клетке» для него – просто преступление.

Всё кончено... я уволен...

Ли Чжися продолжал отчаянно молиться всем богам, пока его бесцеремонно не оттолкнули в сторону.

Чу Юнь смотрел на Чу Хуан, и теплая улыбка в его глазах мгновенно погасла, сменившись острым, пронизывающим холодом.

Чу Хуан приподняла бровь, заметив эту перемену в его настроении.

– Сестра, – голос Чу Юня был предельно сдержан, каждое слово звучало отчетливо и четко, но в этом тоне прорывался нескрываемый, глухой гнев, – не тебе решать, как мне поступать с моими людьми.

Столь безответственные и резкие слова заставили Чу Хуан понять, что разговор зашел в тупик и пора его заканчивать. У нее не было времени и желания спорить с ним, поэтому, отведя взгляд, она произнесла своим обычным, ледяным тоном:

– Знай меру и не будь таким упрямым, – сказав это, она больше не взглянула на Чу Юня и, опустив глаза к бумагам, вернулась к своим делам.

Связь прервалась.

В следующую секунду в комнате раздался оглушительный грохот.

Ли Чжися испуганно втянул голову в плечи и с облегчением выдохнул: лучше уж сменить разбитое оборудование, чем продолжать этот разговор.

В день мероприятия бесконечный поток роскошных машин медленно двигался сквозь огни ночного города, направляясь к галерее «Наследие».

Вдоль стен галереи величественно свисали тяжелые черные бархатные портьеры, а искусственный свет, переплетающийся золотыми и глубокими темно-синими оттенками, сливался с безупречной роскошью высокого искусства.

В самом центре выставочного зала, в абсолютной тишине, покоилась «Слеза рассеянного света». Тщательно выверенные, точечные лучи пронзали легендарный бриллиант, и его тонкий, едва уловимый бледно-голубой оттенок, подобно застывшей вечной слезе, безмолвно повествовал о далеком, тайном и трагическом прошлом.

Постепенно прибывали гости и представители прессы. Высокий статус приглашенных заставлял сотрудников галереи проявлять предельную осторожность и бдительность.

Фан Жуйцю с самого раннего утра дежурила у главного входа, лично встречая каждого прибывающего гостя.

Чу Юнь всё еще не появился.

Состав прессы сегодня был по-настоящему впечатляющим, а список приглашенных звезд – ослепительно блистательным.

Чэнь Линьфэн, сохраняя внешне невозмутимый вид и вежливую, отрепетированную улыбку, с того самого момента, как переступил порог галереи, стал главной целью всех камер.

Последние несколько дней он переживал настоящую бурю, способную в один миг пошатнуть весь фундамент его карьеры, и общественное мнение подняло вокруг его имени огромные, грязные волны.

В одночасье весь интернет гадал, как он мог упустить столь важную возможность, а едкие насмешки и жестокие издевки преследовали его на каждом шагу.

Ему приходилось изо всех сил сохранять внешнее спокойствие и, опираясь на обещание Се Юйцяо не оставлять это дело, молча проглатывать весь свой стыд и жгучую досаду.

Получить сегодня приглашение от самой галереи «Наследие» на глобальный премьерный показ выставки «Наследие: Рассеянный свет» было для него настоящей удачей среди череды несчастий.

Это весомое, статусное приглашение могло хоть немного развеять злобные слухи о том, что от него якобы «отказался люксовый бренд».

Чэнь Линьфэн был вынужден признать, что приглашение от Чу Юня заметно улучшило его незавидное положение в глазах общества.

Раз уж его поддерживает сам молодой господин Чу, то фраза о «лучших ресурсах» перестанет быть просто пустыми словами.

Подумав об этом, он высоко и гордо поднял подбородок: на территории молодого господина Чу у избранного нет никаких причин опускать голову.

Увидев Чэнь Линьфэна, Ши Цзянь на мгновение замер, а затем вспомнил, что этот человек, вероятно, и был той самой «закусочной», к которой в последнее время так пристрастился молодой господин.

Сдерживая внутреннее раздражение, он отвел взгляд.

Только вот он совершенно не понимал, откуда у Чэнь Линьфэна столько беспричинной враждебности.

Инстинктивно взглянув на фигуру Чу Юня, видневшуюся вдаль, он мгновенно всё понял.

Ши Цзянь тяжело вздохнул про себя: оказывается, подобные нелепые сцены «борьбы за внимание» в конечном итоге снова коснулись и его самого.

- Держись подальше от молодого господина, он больше любит мою постель.

Неизвестно, что именно было на уме у того красивого парня, который год назад пришел провоцировать его, преградив путь.

Это вызвало у Ши Цзяня лишь чувство глубокой, почти физической беспомощности.

Если бы тот парень ограничился только первой частью своей дерзкой фразы, Ши Цзянь, возможно, просто молча кивнул бы в знак понимания, приняв это за обычную самоуверенность. Но собеседник не удержался и добавил вторую часть, окончательно переходя все границы. В итоге Ши Цзяню оставалось лишь тихо поднять глаза, едва заметно и печально улыбнуться, а затем полностью проигнорировать его существование.

В этом мире только Ши Цзянь знал истинную правду о резиденции Чжоуинь. Это было колоссальное поместье, где одно лишь главное здание занимало пять тысяч квадратных метров, а вся окружающая гора целиком принадлежала Чу Юню. И всё же в этом царстве избыточного пространства существовала одна единственная спальня, которую можно было обойти всего за несколько коротких шагов.

В самой глубине этой просторной, обставленной с вызывающей роскошью комнаты находилось крошечное, почти секретное помещение с кроватью, размер которой казался почти нелепым на фоне общего масштаба дома. Она была рассчитана лишь на то, чтобы двое людей могли лежать вплотную друг к другу, не оставляя между собой ни единого сантиметра свободного места: он и Чу Юнь.

Помимо них двоих, единственным человеком, которому позволялось переступать порог этой

комнаты, был дворецкий, следящий за безупречным порядком; всему остальному персоналу вход туда был строго и категорически запрещен.

Тогда Ши Цзяню было около двадцати трех или двадцати четырех лет. Глядя на этого высокомерного, невыносимо своенравного и ослепительно красивого юношу, он не чувствовал ни гнева, ни жгучего желания спорить – в его сердце жила лишь тихая, неудержимая и щемящая жалость.

Спустя несколько лет, вспоминая об этом, он всё еще находил эту ситуацию одновременно смешной и бесконечно печальной.

Его собственное положение за всё это время ничуть не изменилось.

После того памятного дня Ши Цзянь больше не видел того человека, да и шанса случайной встречи у них не было.

Если бы Чу Юнь узнал о подобной наглости, он, вероятно, лишь брезгливо выразил бы свое презрение, а затем, не раздумывая ни секунды, выбросил бы этого человека прочь из своей жизни.

Чу Юнь всегда искренне ненавидел подобные «игрушки», которые, совершенно не зная своего истинного места, пытались заявить какие-то права на своего хозяина.

Поэтому Ши Цзянь с самого начала учился быть «рассудительным», как и сейчас: когда Чэнь Линьфэн открыто выказал свое недовольство, он просто тихо и незаметно отступил в тень.

В банкетном зале ослепительно сияли огни, а сотни объективов камер были направлены в самый центр внимания.

Чу Юнь, выглядящий безупречно, оживленно беседовал с каким-то важным французским гостем. Ши Цзянь стоял в стороне, в темном углу, и думал о том, что всё происходящее тоже можно назвать событием из ряда вон выходящим – ему было искренне интересно, кто этот человек, сумевший так увлечь внимание молодого господина.

Он глубоко погрузился в свои раздумья, когда почувствовал, как кто-то мягко и осторожно коснулся его плеча. Он растерянно обернулся.

- Господин, - тихо произнес Ли Чжися.

В этот момент мужчина, с которым так оживленно общался Чу Юнь, медленно и уверенно поднялся на центральный подиум, и мощные лучи прожекторов тут же сфокусировались на его фигуре.

Он обратился к собравшимся гостям:

- Для меня большая честь объединить усилия с галереей «Наследие» и приоткрыть завесу тайны над «Слезой рассеянного света». Эта звезда, спавшая в забвении полвека, идеально воплощает в себе философию бренда Ленор - «абсолютная редкость и уникальное искусство».

Этим человеком был Бельман, президент Ленор в Азии.

Бельман с легкой улыбкой поднял бокал шампанского:

- Наш выбор был предельно прост: следовать зову камня и найти художника, чья душа глубоко и искренне резонирует с духом Ленор.

Журналисты, обладавшие острым чутьем, мгновенно уловили скрытый смысл этих слов.

Зрачки Чэнь Линьфэна резко сузились, и его внезапно охватило тяжелое, дурное предчувствие.

В приглашении, которое он получил, не было ни единого упоминания о Ленор. Если бы он только знал, что человек, который когда-то бросил его и превратил в посмешище для всех конкурентов, тоже будет присутствовать здесь, он ни за что на свете не пришел бы на этот вечер!

- Мы имеем честь объявить, что господин Ши Цзянь официально становится глобальным представителем Ленор!

Это заявление прозвучало в тишине зала подобно разорвавшейся бомбе.

Тысячи вспышек камер одновременно устремились на Ши Цзяня, буквально ослепляя его белым светом.

В ушах Ши Цзяня возникло сильное звенение, он был настолько потрясен, что даже не мог разобрать последующих слов, произносимых со сцены.

Чэнь Линьфэн застыл в толпе; ослепительный свет почти лишал его зрения, а на губах застыла натянутая, не сходящая улыбка, которая больше напоминала маску.

Под громкие, восторженные аплодисменты Ши Цзянь, с трудом сдерживая внутреннюю дрожь, посмотрел на Чу Юня.

Чу Юнь, небрежно держа бокал шампанского, стоял рядом с Бельманом и ярко, вызывающе улыбался под светом прожекторов, глядя прямо на него.

На другом конце зала Чу Хуан, только что выслушав краткий отчет Сун Ичжоу, на мгновение замерла, а затем с нескрываемым недоверием холодно усмехнулась.

Конечно, она была в курсе общего сотрудничества – Редженс Медиа уже запустила масштабную медиа-матрицу с темой «Встреча высшей роскоши и абсолютной чистоты».

Но она и в страшном сне не могла подумать, что Чу Юнь устроил такой невероятный шум вокруг «Слезы рассеянного света», используя древнюю легенду о камне, чтобы раздуть ажиотаж вокруг редчайшего сокровища, приглашая топовых знаменитостей, тратя колоссальные средства и организуя столь масштабный пиар только ради одного этого момента.

И всё это – только ради этого!

– Этот мальчишка, – Чу Хуан пристально уставилась на стремительно взлетающие в топ новости на экране своего планшета, – он даже меня использовал в своих целях.

В ту же секунду официальные аккаунты Ленор обновились одновременно: никакой помпезной рекламы или кричащих заголовков, только один минималистичный, глубокий портрет.

Это был профиль Ши Цзяня, где изящная линия шеи плавно переходила в текст на французском языке, а в самом конце виднелся едва уловимый, призрачный силуэт украшений из новой коллекции Ленор под названием «След».

«L'art véritable ne se déclare pas, il se révèle» (Истинное искусство не заявляет о себе, оно просто проявляется).

Новая, еще более мощная волна обсуждений мгновенно захлестнула сеть, и имя Чэнь Линьфэна в этом потоке было подобно тяжелому камню, который быстро пошел ко дну, вызвав лишь несколько незначительных кругов на воде, прежде чем исчезнуть в бездне навсегда.

В машине царил привычная, почти осязаемая тишина. Ши Цзянь сидел рядом с Чу Юнем, бессознательно и нервно перебирая пальцами.

Внезапно Чу Юнь, без всякого предупреждения, взял его за руку и мягко, почти ласково погладил ладонь.

Это мимолетное прикосновение словно коснулось самого сердца Ши Цзяня, заставив его замереть.

Он невольно, почти рефлекторно сжал пальцы в ответ.

Он искоса взглянул на Чу Юня: тот лениво откинулся на кожаное сиденье, выглядя абсолютно расслабленным и безмерно довольным собой. Казалось, сегодня у него весь день было просто великолепное настроение.

Это сбивало Ши Цзяня с толку еще больше.

Он совершенно не мог понять истинных мотивов поступков Чу Юня сегодня: было ли это просто создание искусственной шумихи вокруг «Слезы рассеянного света» или что-то иное? Чу Юнь ведь всегда открыто ненавидел, когда Ши Цзянь «блистал» в лучах славы, так почему же он вытолкнул его на сцену в галерее с такой вызывающей, ошеломляющей дерзостью?

А затем он подумал: впрочем, если задуматься, всё не так уж и сложно. У Чу Юня всегда был такой странный, специфический склад ума.

Он до смерти ненавидел, когда другие зарились на его собственность, но при этом испытывал почти болезненную гордость тем, что владеет сокровищем, которое привлекает всеобщее, благоговейное внимание.

Ему нравилось выставлять блистательного Ши Цзяня напоказ – это было похоже на то, как выставляют самый дорогой в мире бриллиант на черной бархатной подставке с золотым логотипом Редженс, объявляя всему миру: это принадлежит только ему.

- Доволен? – Чу Юнь, кажется, неверно истолковал его задумчивый взгляд и улыбнулся с явным оттенком самодовольства.

Ши Цзянь не успел ответить, как Ли Чжися нервно позвал из передней части салона:

- Молодой господин.

Чу Юнь, явно недовольный тем, что его прервали в такой момент, с легким раздражением взял трубку.

На другом конце провода голос Фан Жуйцю звучал необычайно серьезно и напряженно:

- Молодой господин, возникла проблема.

Мероприятие уже закончилось.

Фан Жуйцю стояла перед витриной, лично контролируя процесс опечатывания и упаковки экспонатов.

- Директор Фан, - вдруг засомневался один из сотрудников, - посмотрите на эту пару запонок... кажется...

Фан Жуйцю нахмурилась, быстро надела белые перчатки и, взяв запонки, внимательно осмотрела их под ярким светом лампы.

Ее сердце пропустило удар.

Запонки подменили.

Чу Юнь слегка нахмурился, всё еще крепко держа Ши Цзяня за руку:

- Выясните всё до мельчайших деталей.

- Есть... зал С, - в голосе Фан Жуйцю чувствовалась едва уловимая беспомощность, но она быстро взяла себя в руки и продолжила доклад.

Взгляд Чу Юня мгновенно потемнел, и он медленно отпустил руку Ши Цзяня.

Он слегка выпрямился в кресле.

Зал С. Сегодня ночью там на некоторое время полностью отключали камеры наблюдения.

Это сделал сам Чу Юнь.

Он медленно повернул голову к Ши Цзяню.

Ши Цзянь вздрогнул, совершенно не понимая, что именно произошло и почему взгляд молодого господина стал таким тяжелым.

<http://bllate.org/book/17941/1720621>